

ЕЛИЗАВЕТА
ДВОРЕЦКАЯ

ДВЕ СУДЬБЫ
ХАЛЬВДАНА
ЧЕРНОГО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Δ24

Иллюстрация на переплете,
форзацах и контртитule *Натальи Анисковой*

Дворецкая, Елизавета.

Δ24 Две судьбы Хальвдана Черного / Елизавета Дворецкая. —
Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-250179-1

Южная Норвегия, 833 год.

Хальвдану, сыну королевы Асы, всего восемнадцать лет, но всему Восточному и Западному краю известны его черный шлем, черная шкура вепря на его плечах и его прозвище — Пес Хель. Сын отца, убившего родичей жены, и матери, погубившей мужа, Хальвдан спустился в царство мертвых, чтобы схваткой на погребальном корабле закончить родовую распрю.

Слава любимца богини смерти Хель повергает врагов к его ногам, но мало кто знает, что плата за победу — бесконечная схватка с мстительной тенью из Йотунхейма, идущей по пятам.

Каждый шаг приближает молодого конунга Хальвдана Черного к одной из двух предначертанных ему судеб — вечной славе или глухому забвению.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250179-1

© Дворецкая Е., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРЯДЬ О БРАГИ

Крупный черный ворон пролетел над головой, обгоняя, и стал нарезать круги впереди. Браги сын Бодди, известный в Восточном и Западном краю как Браги Скальд, придержал коня и стал следить глазами за птицей. Недавно в долинах выпал снег, но сквозь тонкий белый покров везде виднелся серый камень крутых склонов. Подступали сумерки, молчаливые горы вокруг дремали. В воздухе сгушалось дыхание ночи, нигде не виднелось ни проблеска жизни. Браги Скальд знал эту часть Вестфольда — едва ли нашлись бы населенные земли в Северных Странах, которых он не знал, — и надеялся к ночи добраться до хутора Альфаста Кукушки. Однако появление ворона сразу отвлекло его мысли от ночлега и ужина.

Вслед за первым вороном пролетел второй и стал кружить над ближним пригорком. Две птицы Владыки Ратей сразу — это уже не напоминание, это предупреждение. Браги Скальд неспешно ехал вперед, не теряя воронов из виду. Сперва один, потом второй устремился к склону горы, увлекая за собой взгляд Браги, и оба сели. Захлопали крыльями, вздымая со скальных выступов тонкий мелкий снег... Браги моргнул, в глазах прояснилось, и он увидел, что второй ворон опустился вовсе не на камень, а на плечо мужчины, сидящего среди заснеженных валунов.

В глазах зарябило, горы закачались, как отражение в потревоженной воде. Сидящий на склоне казался и велик,

и мал, взгляд не мог определить, насколько он далеко: может быть, он величиной с гору, только до него день пути. Так всегда бывает, когда жители иных миров выходят в Среднюю Ограду¹ и раздвигают собой тесную ткань здешнего бытия. Пробрало холодом, все тело охватила дрожь, будто сама душа трепетала под ветром, грозящим вырвать ее и унести навсегда. Браги стиснул зубы, глубоко вдохнул. Не в первый раз с ним такое случалось, но привыкнуть к этому невозможно. Как ни будь человек силен, умен, опытен и сведущ, все его достоинства — пыль перед их источником. А источник сил Браги Скальда как раз и сидел, скрестив ноги, на большом валуне. На плече его примостился ворон, второй важно расхаживал по камню чуть ниже. Еще ниже по склону и слева взгляд Браги зацепил серую мохнатую спину волка, а выше и справа — поднятую белую морду другого. Животные обрамляли фигуру своего владыки, и отделяя его от окружающего мира, и включая в него.

Бог Воронов не всегда является в человеческом облике — даже приходиться наяву ему нет нужды, — но сегодня выглядел очень близко к тому, как его обычно описывают. Крепкий мужчина на шестом десятке лет — из тех, от кого бежит дряхлость, кого годы лишь закаляют до несокрушимости камня. Обнаженный по пояс, он был одет в синие мешковатые штаны, изрядно потрепанные, обут в стоптанные датские башмаки, сам вид которых внушал мысль о бесконечности пройденных им дорог. На плечах лежала волчья шкура, позволяя видеть крупные мышцы рук и груди. На загорелой, почти глиняного цвета коже выделялись ярким блеском толстые золотые браслеты на запястьях и над локтями. Искусная работа, тонкие причудливые узоры сразу давали понять, из каких кузниц вышли эти украшения: где мастера

¹ Средняя Ограда (Мидгард) — земной мир, населенный людьми. (Здесь и далее примечания автора.)

Прядь о Браги

имеют вечность, чтобы совершенствовать умения, а заказчики готовы ждать сколько потребуется. Седые волосы спускались ниже пояса — частью пряди были заплетены в косы, частью перевиты золотыми нитями, расчесаны или спутаны. Легкий ветер чуть колебал их, как колеблет травы на скале. Сам их хозяин сидел неподвижно, и эта неподвижность, каменная мощь и нечувствительность к холоду ясно выдавали его изначальную природу.

В лицо Браги смотреть не хотел, но оно властно притягивало взгляд. Седая борода, тонкие морщины на лбу и на скулах, густые, изломленные черные брови, а глаза — черно-вато-синие, бесконечной глубины.

Конь остановился сам, будто уперся в стену. Браги Скальд покорно соскочил наземь, поклонился и сделал несколько шагов к камню, где сидел властелин зимней долины.

— Приветствую тебя, Бог Воронов! Здоров будь и в духе добром!

Раз уж он появился на пути, значит, желает кое-что сказать. Браги ждал.

— Ты едешь к Олаву сыну Гудрёда, — промолвил Странник.

Его негромкий голос достигал разума, казалось, не снаружи, а изнутри души. И с этим голосом душе делалось тесно.

— Именно так. Моя сестра, Исвильд-пророчица, попросила меня наведаться в Каупанг, то есть в конунгову усадьбу Скирингссаль. Туда к Дисаблоту должен явиться молодой Хальвдан, сын Асы из Агдира, чтобы потребовать от Олава половину наследства их общего отца. Для Исвильд он кто-то вроде племянника, да и для меня тоже — наш отец был воспитателем Асы. Хотелось бы ему помочь. Хальвдан совсем еще юн и нуждается в поддержке. А задатки у него хорошие.

— Два сына одного конунга, но разных матерей, делят наследство. — Голос Подстрекателя Битвы звучал так низко, словно говорили сами камни. — Старший родился

от благородной жены, второй — от пленницы. Ты знаешь, чем кончаются такие тяжбы.

Браги Скальд ощутил, как усиливается дрожь. Возникло чувство, что он скользит к краю пропасти и вот-вот в нее рухнет. Он желал совсем другого, но нет воли, способной преодолеть волю Одина. Человеческие желания перед нею ничего не значат. Разбиваются, как хрупкий тонкий лед о камень.

— Хальвдан... должен погибнуть? Как Хлёд погиб в сражении со своим братом Ингетюром?

— Молодой Хальвдан нужен мне. У него задатки куда более достойного мужа, чем у Олава.

— И поэтому ты обрекаешь его на поражение? — не сдержался Браги.

— Он должен пополнить мою дружину. От него в час последней битвы будет куда больше толку, чем от Олава. Он куда больше унаследовал от их отца, Гудрёда. Вот кто был отличным воином, хоть и умер так неудачно, что достался Хель. Гудрёд для меня потерян, так пусть его заменит наиболее достойный из сыновей. А ты явишься к Олаву в Скирингсаль и напомнишь ему ту сагу о Хлёде и Ингетюре, чтобы поддержать его храбрость, внушить желание борьбы и веру в победу. Иначе заячье сердце вынудит его сдать еще до боя, и я ничего не получу.

— Но Повелитель! Хальвдан так юн, ему всего восемнадцать лет! Он только что занял престол в Агдире, он одержал лишь одну победу, да и той не было свидетелей, кроме Исвильд, моей сестры. Если ты заберешь его сейчас, он без следа исчезнет из людской памяти, едва умрет его мать. И как его встретят в Валгалле? Седые герои древности будут насмехаться над ним, называть мальчишкой, чье место — на полу у входа, чья доля — обглоданные кости! И он не сможет возразить, ему будет нечего сказать о своих деяниях! Дай цветку его доблести расцвести, а уж потом срывай! Какой тебе прок от недозрелого плода?

Прядь о Браги

Волю Владыки Астарда нельзя переломить, но он ценит умелую речь и не глух к мольбам, если в них есть смысл. Браги Скальд говорил, избегая взгляда Альфёдра — Могучего Властителя — и глядя на его золотые браслеты, по которым, как струи в ручье, бежали бесконечные цепочки сменяющих друг друга рун. Владыка слушал его, а это уже был хороший знак.

— Ты хочешь, чтобы я отдал победу Хальвдану? — В низком голосе Одина послышались сомнения и насмешка — как если бы мог их выражать грохот камнепада. — Но я не хочу видеть у себя Олава. Он пышен и румян, самолюбив и щеголеват, но слабодушен и труслив. Пошел не в отца. Ему не будет места за моим столом.

— И ему ты позволишь убить Хальвдана? — снова возразил Браги. — Это будет позор, если трусливый одолеет отважного.

— Мне нужен хороший боец. Каким был Гудрёд Охотник.

— Забери к себе Гудрёда. Неужели тебе это не по силам?

— Гудрёда украла у меня Хель, и виновата в том Аса, мать Хальвдана. Она отняла у меня своего мужа — пусть расплатится сыном.

— Это неравноценная замена.

— Но заполучить Гудрёда я не могу. Или ты знаешь способ?

— А что, если найду? — Браги прищурился.

Бог Воронов задумался. Потом медленно поднял руку, перевернул ладонью вверх — и на его ладони появилось красное яблоко. От него исходило легкое сияние, как будто вместо сока его наполнял солнечный свет.

— Я помню наш с тобой уговор, — сказал Владыка Ратей. — Верно служи мне — и тебя ждет бессмертие в Ограде Асов. Но ты знаешь, что это за служба. Я должен получить воина, которого мне не стыдно будет посадить за стол среди других. Олав мне не годится. Не думаю, что

ты сумеешь вырвать Гудрёда из рук Хель, что держит его в объятиях уже почти двадцать нижних лет. Но я всегда готов дать вам попытку. Одного из них я жду — Гудрёда или Хальвдана. Если ты сумеешь уберечь своего «племянника» и не обидеть меня — ты еще более мудр и хитер, чем я думал. Если тебе удастся — я обещаю покровительство твоему любимцу. Пусть сбудется предсказанное ему добро, а зло — рассеется.

Браги поднял взгляд к глазам собеседника — неоодолимая сила чужой воли заставила его сделать это. Правый глаз Бога Воронов вдруг исчез и сделался окном в черную бездну. Браги моргнул, не в силах смотреть туда. А когда открыл глаза — увидел лишь заснеженные камни. В воздухе что-то мелькнуло, будто крылья взлетающего ворона, и порыв ветра бросил ему в лицо седую прядь мелкого снега.

Глубоко вдохнув, Браги Скальд прижал ладони к лицу и потер, пытаясь избавиться от давящего чувства бездны. Но и с закрытыми глазами он продолжал ясно видеть красное яблоко — обещанный ему источник вечности. За ним стояло нечто большее, чем просто долгая жизнь в Ограде Богов. И об этом Один тоже знал. Чтобы достичь когда-нибудь желанной награды, Браги Скальду предстояло обеспечить Одину выигрыш, не проиграв самому. Но этому Один не станет противиться. Он любит необычные решения и охотно посмотрит, как Браги Скальд будет изворачиваться на этот раз.

Помотав головой, Браги вернулся к своему коню, поднялся в седло и тронулся дальше. Его слуга, Фульдар, все это время простоявший неподвижно, будто заснув на ходу, поехал за ним — для него не было ни задержки, ни встречи, ни беседы. Бог Воронов мог появиться на пути Браги Скальда когда угодно, но показывался только ему.

Быть человеком Одина — почетно, иногда полезно, но всегда очень трудно. Человек Одина тащит в душе огромную силу, как тяжелый камень в ветхом мешке. И никогда

Прядь о Браги

не знает — будет ли за это какая-нибудь награда, хотя бы в виде посмертной славы, или его ждет поражение и забвение. Справедливости Один никому не обещал, и не случайно одно из его имен — Гиннар, то есть Обманщик. Но делать нечего: он избирает людей по своей воле, никого не спрашивая.

Но даже если тебе не предоставлен выбор пути, всегда есть выбор, насколько достойно ты его пройдешь. Браги Скальд был достаточно мудр, чтобы это понимать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Йольский вепрь

Прядь 1

В начале той же зимы

Всю правду Хальвдан узнал, когда ему было восемнадцать лет. Они с матерью, королевой Асой, жили в Агдире, их наследственном владении, где когда-то правил отец Асы, Харальд Рыжая Борода. Никого из родных, кроме матери, Хальвдан никогда не видел и знал только, что в Восточном краю у него имеется сводный брат Олав, старше лет на двадцать. Но и того Хальвдан никогда не встречал: сыновья покойного Гудрёда Охотника не ездили друг к другу в гости. К этой обособленности Хальвдан привык с детства — сколько он себя помнил, они всегда жили вдвоем с матерью, — и даже став взрослым, не задавал вопроса: а почему так?

К восемнадцатилетию Хальвдана королева Аса приурочила важное событие: возведение его на престол. Семнадцать лет она самолично правила во владениях своего покойного отца и управлялась не хуже мужчины, но теперь сын повзрослел и мог служить опорой матери и земле. Хальвдан родился в пору сбора урожая, и праздник Зимних Ночей¹ в этот раз королева Аса собиралась отметить особенно пышно. Еще

¹ Зимние Ночи — праздник начала зимней половины года, вторая половина октября.

на пирах Середины Лета она сообщила о предстоящем событии, и к первому полнолуннию после осеннего равноденствия в старую Харальдову усадьбу Кунгсхольм на острове Тромё собрались чуть ли не все хольды¹ обширного фюлька² Агдир, самого южного на морских путях.

С наступлением ранней осенней темноты громко запели рога, созывая гостей к столам. К пиру в конунговой усадьбе наварили пива и меда, зарезали несколько быков, свиней и баранов. Большой медовый зал³ Кунгсхольма сиял множеством огней — в наивозможно большем количестве их зажигают в эти ночи, чтобы отогнать торжествующую тьму. Пылало пламя в очагах, горели факелы на стенах и резных столбах, подпиравших высокую кровлю. Над главным, самым длинным очагом, висели большие котлы с вареным мясом, на другом пеклись над углями части мясных туш и там же служанки непрерывно выпекали на сковородах плоские лепешки из смеси овсяной, ржаной, гороховой, пшеничной муки, с добавлением молотых орехов и трав. Лепешки на больших блюдах разносили по столам, горячими выдавали каждому гостю, чтобы он мог класть на нее полученный кусок мяса. С этим мясом каждый получит часть общей удачи на весь предстоящий год, и гости ждали с особым волнением: сегодня удачу между ними впервые будет распределять новый молодой конунг.

Ближе к середине палаты сажали людей знатных и состоятельных, одетых в крашенные одежды с ног до головы. Чем ближе к краям, тем меньше крашенных одежд было на гостях: у кого только рубаха, у кого только накидка, только пояс или обмотки. На самых дальних местах сидели бедняки в серых и бурых одеяниях некрашеной шерсти. Столы, насыщенные

¹ Хольды — независимые владельцы земельного надела.

² Фюльки — исторические области Норвегии, частично существуют до сих пор.

³ Медовый зал — просторное высокое здание для ритуальных пиров.

яркими красками вблизи очага, по мере удаления от середины постепенно выцветали до оттенков голого камня и земли, олицетворяя движение жизни от летнего буйного расцвета к убожеству зимы.

Занимая места, люди поглядывали на высокое сиденье в середине длинной скамьи, что смотрело прямо на большой очаг и само освещалось его пламенем. Сиденье, покрытое искусной резьбой, пока оставалось пустым, и эта пустота казалась выразительной, ждущей.

Хальвдан, в рубаше красной шерсти, отделанной полосами шелка с вышивкой синими и зелеными нитями, сам встречал гостей, приветствовал и указывал места. Гости смотрели на сына Асы с одобрением: его открытое лицо, дружелюбные повадки обещали Агдиру доброго и справедливого властителя. Хальвдан был среднего роста, не поражал мощью, но был хорошо сложен, а только что прошедший оружейный смотр и состязания показали его ловкость, силу и упорство. От матери он унаследовал черные волосы, однако Аса, хоть и не красавица, была более миловидна и даже сейчас, под сорок лет, еще выглядела недурно и сохранила почти все зубы. У Хальвдана же, при довольно правильных чертах, в лице выделялся очень высокий лоб и крупный прямой нос. В соединении с черными волосами и синева-серыми глазами этот нос наводил на мысль о черном вороне в грозовом небе — посланце Одина.

Сегодня, зная, что жизнь подошла к важному повороту, Хальвдан был оживлен, и сквозь его воодушевление сквозило тайное волнение.

— Здравствуй, Ингеберт! Что скажешь хорошего? — раздавался в передней части дома его веселый голос. — Кольфинн, привет тебе! Хороши ли ваши новости? Ярн-грим, всю семью привел, вот хорошо! Ну, Эрленд, о чем нынче поется?

Ему отвечали со смехом, поздравляли с хорошим урожаем. Прожив в Агдире всю жизнь с годовалого возраста,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЙОЛЬСКИЙ ВЕПРЬ

Хальвдан знал всех хольдов и их семьи. Только однажды он невольно запнулся, увидев перед собой очередную гостью. Рослая — выше его — плечистая, но худошавая женщина была ровесницей его матери. Длинное лицо с острым подбородком он не назвал бы красивым, а глаза оказались вдвое больше обычных, так что Хальвдан от неожиданности отшатнулся. Сразу понял: это женщина непростая, и удивился, почему ее не знает. Однако уже второй взгляд на нее дал ему ответ на незаданный вопрос. Поверх белой и серой шерстяной одежды на гостье был синий плащ, подбитый куницей, из светлого куньего меха были ее рукавицы, а в руках она держала посох с надетым на навершие прясленом, вырезанным из ледяного хрусталя. Она была будто госпожа зимы, снеговая туча, способная сеять ледяное зерно града. При виде ее Хальвдану невольно вспомнилось:

Пока не явились три вешие девы,
Из земли испоинов могучие гости¹...

— Хэй, привет тебе! — Хальвдан все же окинул ее выразительным взглядом, намекая, что не знает имени, чтобы обратиться. — Каковы твои новости, добрая женщина?

— Имя мое Исвильд, а прозвание — Зимняя Дева, — дружелюбно ответила гостья; она смотрела на Хальвдана так, будто его знает, но этому он не удивился. — Новости у меня есть, но сообщу я их позже, если тебе угодно.

Хальвдан почти не переменялся в лице, когда женщина зрелых лет назвала себя девой; снова вспомнил тех «дев», что сидят у Источника Урд. Он кивнул, удовлетворенный этим объяснением, и велел служанке проводить Исвильд к состоятельным хозяйкам на женской поперечной скамье, как того требуют ее лета и мудрость.

¹ То есть три норны, устроительницы судеб. Из «Прорицания провидицы» («Старшая Эдда»), перевод Софьи Свириденко.

Палата заполнялась людьми, гости рассаживались, сдвигаясь все теснее, чтобы всем хватило места. Над скамьями, по всей длине палаты, висели на стенах тканые ковры. Красные, белые, желтые, зеленые, коричневые нити сплетались в узор, изображавший весь мир земной и небесный: битвы богов с чудовищами, торжественные шествия с пешими копьеносцами, всадниками и повозками на огромных колесах, с нарядными валькириями, что с рогом в руках встречаются в Валгалле павших героев... Все это была работа самой королевы Асы за много лет: она отличалась во всех рукоделиях и особенно искусно ткала ковры.

Снова запели рога, призывая к вниманию, шум стал стихать. Появилась королева Аса, и все взгляды устремились к ней. Она была одета во все оттенки голубого и синего, и только позолоченные, с серебряными узорами застёжки на груди блестели, как два продолговатых солнца.

— Славьтесь, асы и асиньи! — провозгласила Аса. — Славьтесь, ваны и альвы! Сегодня, когда лето уходит прочь, уступая место зиме, у нас происходит более радостная перемена: я, старая женщина, уступаю власть над отцовской землей моему единственному сыну Хальвдану, и отныне он, молодой конунг, будет править тобою, Агдир!

Вся толпа гостей отозвалась дружным приветственным криком — пламя факелов заколебалось, сам медовый зал, казалось, содрогнулся на своих толстых столбах, а вытканые на коврах фигурки богов и героев дрогнули, готовые двинуться в путь.

Дав людям выразить свою радость, человек лет сорока, в вышитой зеленой рубаше, стоявший возле Асы, замахал руками. Это был Эльвир по прозвищу Умный — воспитатель Хальвдана, с пяти лет заменивший ему отца, — мужчина выше среднего роста, худощавый, с крупными чертами продолговатого лица, высоким лбом, на который мыском спускались светлые, слегка рыжеватые волнистые волосы. Волосы, спадавшие на грудь, были, пожалуй, самым красивым

в его заурядной внешности, но умные, живые глаза и широкая улыбка восполняли недостаток красоты.

— Подожди, подожди, госпожа, так дела не делаются! — весело заговорил он, и народ притих в ожидании. — Мы все рады, что твой сын, а мой воспитанник Хальвдан уже взрослый мужчина...

— Жениться пора! — крикнули от женской скамьи.

— Но прежде чем возвести его на престол конунгов Агдира, древнего рода Хильд... ой! — Эльвир сам запечатал себе рот. — Что я такое говорю! Пусть-ка он сам расскажет, каков его род! И если он его не знает, то не бывать ему нашим конунгом!

— А вот и посмотрим, чему ты его выучил! — крикнул мужской голос из толпы богатых хольдов, и Эльвир сделал знак: дескать, не волнуйтесь, все будет!

Хальвдан подошел и встал перед пустым сиденьем конунга; Аса стояла слева от него, Эльвир — справа. В показном смущении Хальвдан провел рукой по высокому лбу, пригладил длинные черные волосы, но в глазах его светилась уверенность.

— Надо рассказать... — начал он с притворным волнением, но тут осознал, что наступает одно из важнейших мгновений его жизни, и глубоко вздохнул уже от волнения истинного. — В начале времен жил человек по имени Форн-Йотун... Ну это говорят, что человек, но на деле-то это был Древний Йотун, из рода, чья древность превышает человеческой. Йотуны владели нашими краями до самой Лапландии еще до того, как Один привел сюда асов и заключил союз с ванами, и правили мудрейшие из них. У Форн-Йотуна было три сына: Хлер правил морем, Логи — огнем, а Кари — ветрами. У Кари был сын Ёкуль, у Ёкуля был сын Снэр, а у Снэра — сын Торри. Торри был великий конунг, он правил готами, квеннами и финнами. У конунга Торри было двое сыновей: Нор и Гор. Рассказывают о том, как они искали свою сестру Гои, похищенную другим великаном,